

История Древнего Израиля: принципы реконструкции

А. С. Десницкий^{1, 2}

¹ Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9959-7358>, e-mail: ailoyros@gmail.com

Резюме: данная статья предлагает некоторые принципы реконструкции истории Древнего Израиля, которые могут помочь избежать крайностей как фундаментализма (библейский текст понимается как буквально достоверный), так и гиперкритицизма (любое сообщение библейского текста отвергается сходу как недостоверное). Любая реконструкция предлагает лишь вероятностную модель, но не истину в последней инстанции, археологические данные обладают приоритетом, но не правом на односторонний диктат, привлекаться должны все доступные данные и учитываться все разумные объяснения. Крайне важно при этом понять, как и в каких отношениях можно доверять библейскому тексту. Здесь помогут критерии нарративного анализа: наибольшую степень историчности можно приписать тем повествованиям, которые наименее удобны для повествователя, а степень его личной вовлеченности может подсказать, насколько близок он к очевидцам описываемых событий. Эти принципы, равно как и общие проблемы реконструкции истории Древнего Израиля, проиллюстрированы конкретными примерами.

Ключевые слова: Библия; Древний Израиль; история; реконструкция; мифология

Для цитирования: Десницкий А. С. История Древнего Израиля: принципы реконструкции. *Ориенталистика*. 2019;2(2):399–420. DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-2-399-420.

Criteria and methods for reconstructing the events of the history of the Ancient Israel

A. S. Desnitsky^{1, 2}

¹ Institute of Oriental Studies, Moscow, Russian Federation

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9959-7358>, e-mail: ailoyros@gmail.com

Abstract: The article offers a set of criteria aimed for the reconstruction of the events of the history of ancient Israel. The author argues that these criteria might

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

help the researchers to work out a balanced approach and help to avoid extremities of both “fundamentalist” and “hypercritical” approach (in the first instance, the Biblical texts are considered to preserve the historically true information whereas in the second instance the information preserved in the Biblical texts is rejected as *a priori* false). Every kind of reconstruction offers a kind of approximation, however, not the “truth”. Therefore, all available data should be put in a broad context and all the reasonable interpretation made on their basis, should be taken into account. One-sided approach like with archeological data, which may totally overwhelm the research results must be avoided. In this context it is crucial to understand how exactly and to which extent the Biblical texts can be trusted. Here, narrative analysis criteria can be of some help: the highest degree of historical reliability can be expected in the presentation of events, which offer the author most difficulties in their description. At the same time the level of his personal involvement in the events described can show how close he could be to the time, when the event was witnessed by others. The ways and methods of applying these criteria to the critical interpretation of the history of ancient Israel are illustrated in the article on a number of examples.

Keywords: Bible; history; Israel; ancient; mythology; reconstruction

For citation: Desnitsky A. S. Criteria and methods for reconstructing the events of the history of the Ancient Israel. *Orientalistica*. 2019;2(2):399–420. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-2-399-420.

Введение

В предыдущей статье данной серии [1] было предложено описание подходов к проблеме истории Древнего Израиля. Помимо обычных трудностей, встающих перед историками Древнего мира, в данном случае приходится учитывать, что базовые тексты, излагающие эту историю, являются Священным Писанием для разных религиозных общин, и в силу этого любая их трактовка выглядит достаточно пристрастной. Современные краткие пособия по истории Древнего Востока, как правило, пересказывают библейский текст, уточняя, что не все его эпизоды выглядят достаточно достоверно. Вот небольшой пример: «К XIII–XII вв. относится и легендарный исход евреев из Египта под водительством Моисея» [2, с. 133]. Из этой фразы остается неясным, было само событие Исхода или же это всего лишь легенда, а если легенда, то какие факты лежат в ее основе. Но авторов подобных пособий трудно упрекать в небрежности: они просто следуют «мнению большинства», которое привычно пересказывает библейский текст, стремясь согласовать его с данными по истории других народов.

Но можно ли определить некоторые принципы, которые позволят написать историю Древнего Израиля, приемлемую в равной мере для академических ученых с разными мировоззрениями? В этой статье мы попробуем предложить некоторые принципы и рассмотреть значимые примеры.

Историчность мифологического текста

Отправной точкой традиционно служит библейский текст – просто потому что никаких других источников, излагающих историю Израиля сколько-нибудь последовательно и связно, не существует. Однако приходится отметить, что он крайне неоднороден и, разумеется, идеологически тоже не нейтрален.

Так, Книга Бытия возводит израильский (и не только израильский) народ к Аврааму, Исааку и Иакову, трем легендарным личностям, которых принято называть патриархами. Библейские повествования о предыстории и ранней истории Израиля, несомненно, отражают не точку зрения Авраама, Исаака и Иакова, а воспоминания о них дальних потомков, поэтому мы на материале этих повествований можем судить в первую очередь о том, что было значимо и актуально для израильского народа в последующие времена. Датировать окончательную версию библейских книг можно именно на основании этих наблюдений, и то приблизительно. Датировать же сами события оказывается практически невозможно.

Подтвердить историчность рассказа об Аврааме едва ли возможно, но можно ли хотя бы поместить повествования о нем на хронологической шкале? Понятно, что едва ли мы можем рассчитывать найти независимые подтверждения этих рассказов, и менее всего подтвердить их археологическими находками. Но значит ли это, что рассказы о патриархах должны быть признаны мифическими и принципиально не проверяемыми нарративами, вроде сказаний об Илье Муромце в русском фольклоре (не забудем при этом, что человек с таким именем реально существовал)?

По-видимому, можно поставить вопрос так: что в этих повествованиях совпадает с известными нам сведениями о жизни на древнем Ближнем Востоке, а что отличается от них? Далее, можно попробовать приблизительно датировать те события, которые легли в основу этих рассказов (условно говоря, определить время жизни патриархов), а также ту эпоху, когда повествования о них приняли свой нынешний вид.

Первое, что бросается в глаза, – некоторые анахронизмы в повествовании. Все подсчеты показывают, что Авраам никак не мог жить раньше середины II тыс. до н.э. Однако в Книге Бытия (12:16) сказано, что он разводит верблюдов, а принято считать, что это животное было одомашнено не ранее конца II тыс. до н.э. Впрочем, споры о точном времени одомашнивания верблюдов продолжаются до сих пор, и главным топливом для этих споров служит именно достоверность библейских рассказов о патриархах.

Но есть другой, уже несомненный, пример анахронизма: в Бытии 21:34 рассказано, как Авраам жил в филистимской земле, хотя поселение филистимлян в Ханаане надежно датируется XII в. Очевидно, в том и дру-

гом случае составитель окончательной версии текста описывал мир, в котором он жил сам, но это еще не означает недостоверности остальной части повествования. Собственно, называя эту землю «Палестиной», мы допускаем такой же анахронизм, ведь это латинское название.

Первым о привязке этих повествований к археологическим данным задумался основатель школы «библейской археологии» У. Олбрайт, поместив их в средний бронзовый век (начало II тыс. до н.э.), когда в Ханаане процветали города. Странствия Авраама У. Олбрайт связал с документами из Кюль-тепе в Анатолии, где говорилось о торговле с Месопотамией (его исход из месопотамского Ура и начальное продвижение на север), и с дальнейшим вторжением кочевого народа амореев в Ханаан¹. Далее, Р. де Во предложил сместить эту хронологию к середине II тыс., ко временам значительного упадка той самой городской культуры. Впрочем, к Аврааму в любом случае городская жизнь Ханаана имеет довольно опосредованное отношение.

Ключевую роль здесь снова сыграли небиблейские документы: таблички, найденные в 1920–1930-х гг. в Нузи на севере Ирака, датируемые XV–XIV вв. до н.э. [3, с. 27–33]. Это были хурритские архивы, раскрывавшие многие стороны семейной и социальной жизни того общества. В частности, бездетная пара могла усыновить раба, который становился ее наследником (как Элизер для Авраама и Сарры в Бытии (15:1–2)), а бесплодная жена могла отправить к мужу свою служанку, чтобы рожденный ею ребенок считался собственным ребенком жены (как Сарра поступила с Агарью в 16-й главе Бытия). Иными словами, оказалось, что за вычетом мелких анахронистических деталей, которые легко могут быть опущены, история патриархов прекрасно вписывается в социальный контекст того времени.

Но значит ли это, что социальные практики и институты, засвидетельствованные архивом из Нузи именно для середины II тыс., были характерны исключительно для этого периода? По-видимому, нет. Это мог быть некий «общий фон» той эпохи, и как раз из того, что библейский автор отдельно оговаривает такие эпизоды, порой специально объясняет их, можно сделать вывод, что во время написания окончательной версии текста они уже казались странными (тогда как упомянутые вскользь верблюды и филистимляне были, напротив, вполне обычны).

Как отметил Финкельштейн [4, с. 47], о времени сложения этого эпоса можно судить по тем темам, которым уделяется особое внимание. Значительное место в Книге Бытия уделено соперничеству двух близнецов: Иакова-Израиля и Исава-Эдома, прародителей одноименных народов. При этом Израиль оказывается младшим и вообще более слабым, но

¹ По-видимому, масштаб и значительность этого вторжения были сильно преувеличены, и об амореях мы поговорим далее.

более сообразительным и, говоря современным языком, «цивилизованным»: он занимается оседлым скотоводством и земледелием, тогда как Эдом добывает пищу охотой. Особую роль в повествовании играет переход Израилем русла потока Иавок (Яббок) как границы территории Эдома в 32-й главе Бытия: потенциально крайне опасное событие, которое заканчивается вполне благополучно благодаря вмешательству свыше.

Нетрудно представить себе, что эта история была особенно актуальна в условиях острого соперничества израильтян и эдомитян, ощущавших при этом свое родство (для сравнения отметим, что ничего подробного не говорится о соперничестве других двух братьев, Исаака и Измаила, предка арабов). Ассирийские источники упоминают Эдом как сложившееся государство с конца VIII в. до н.э., так что будет логично отнести сложение эпоса о патриархах или, по меньшей мере, его значительной части примерно к этому периоду. Это, конечно, не означает, будто в более древние времена не существовали сказания об Аврааме, Исааке и Иакове. Как раз упоминание древних обычаев усыновления раба или детей служанки (мы не находим в Библии подобных примеров за пределами повествований о патриархах) показывает, что такие рассказы существовали и раньше, но были собраны, актуализированы и записаны во вполне определенную эпоху.

Это время – конец VIII в. до н.э. – на первый взгляд кажется ничем не примечательным. Однако археологические раскопки свидетельствуют, что в Иудейском царстве примерно тогда начался бурный демографический и экономический рост. В 722 г. до н.э. северное Израильское царство было захвачено Ассирией, его столица Самария была уничтожена и, судя по всему, значительное число северян переселилось в Иудею, которая осталась относительно независимой, но была включена в единое с Ассирией экономическое пространство. Соответственно, можно предположить, что именно в это время возник спрос на тексты, которые объясняли бы происхождение израильтян и иудеев, их внутреннее единство в противопоставлении с чужим Эдомом и другими народами.

Впрочем, датировать время окончательного складывания того или иного предания довольно трудно, и датировки у разных авторов получаются разными. Например, в Заветании Иакова (49-я глава Бытия) явно перекраивается в пользу Иуды старшинство между братьями, сыновьями Иакова: Рувим осквернил ложе своего отца, войдя к его наложнице, а Симеон и Левий проявили неоправданную жестокость, вырезав все мужское население Сихема, когда они были больны после обрезания. Об Иуде, напротив, говорится исключительно комплиментарно. И. Тантлевский отмечает [18:103], что весь этот материал встречается лишь в тех частях Пятикнижия, автором которых считается Яхвист. Вполне логично предположить, что этот автор сам относился к этому племени. При этом Тантлевский заодно относит время, когда возник этот

текст, к эпохе единой монархии Давида и Соломона (вот это уже куда более спорное утверждение).

Еще один небольшой пример: в Книге Бытия упоминается город Хеврон: там Авраам воздвигает жертвенник Господу (13:18), там умирает и там похоронена Сарра (23:2,19), там живет Исаак (35:27), оттуда отправляется в дальний путь Иаков (37:14). В Книге Исход именно до Хеврона добираются разведчики, отправленные Моисеем в Ханаан (13:23). И. Финкельштейн считает [4, с. 51], что это может указывать на послевоенный период, когда Хеврон оказался за пределами Иудеи, хоть и на самой границе, и потому привлекал внимание жителей Южного царства. Но это, по-видимому, уже натяжка: можно представить себе много других сценариев, в которых этот город приобретал особое значение – в конце концов, он и сегодня играет особую роль в арабо-израильском конфликте, но это не значит, что предания о Хевроне были сочинены в Новейшее время.

Стела Мернептаха как источник по истории Израиля

Первым небиблейским источником, в котором упоминается Израиль, и при этом надежно датированным, является стела Мернептаха [6, с. 85–88], но вопрос об интерпретации упоминания Израиля прекрасно показывает, с какими проблемами приходится сталкиваться исследователям. Речь идет о памятнике, воздвигнутом, вероятно, в 1207 г. до н.э. в честь победного похода в Ханаан фараона Мернептаха (1213–1203 гг. до н.э.)². Среди прочих народов и городов, которые были побеждены египтянами, упомянут *usr3r* (в египетской записи не обозначаются гласные), о котором сказано, что «семена его больше нет» (в результате карательных действий египетской армии). Вот текст этого отрывка (цит. по: [5, с. 151]):

Князья распростерты и говорят: «Мир»!
Никто не поднимает головы своей над Девятью Дугами.
Разрушение для Техену, Хатти усмирен;
Ханаан разорен, так что (его постигли) все виды бедствий:
Ашкелон побежден,
Гезер захвачен,
Йаноам более не существует;
Израиль опустошен, и его семена больше нет,
Хурру стала вдовой из-за Египта.
Все страны вместе усмирены;
Каждый, кто был беспокоен,
Связан царем Верхнего и Нижнего Египта...

² Датировки правления египетских фараонов достаточно надежны.

Для традиционалистов все достаточно просто, наиболее горячие головы даже называли Мернептаха «фараоном Исхода», считая, что надпись отражает исчезновение израильтян из Египта именно при этом фараоне и даже его попытку преследовать израильтян (эту точку зрения пересказывает А. Мень, не считая ее, впрочем, достаточно убедительной [7, с. 526]). Такое прочтение, разумеется, не совпадает с основным содержанием памятника, который говорит о победах в Ханаане, но, во всяком случае, можно считать, что к концу XIII в. до н.э. израильтяне надежно закрепились в Ханаане.

Ревизионисты, напротив, могут отрицать само отождествление этого этнонима с упомянутым в Библии народом: в конце концов, последовательность из пяти букв, последняя из которых к тому же не вполне совпадает с самоназванием народа, может оказаться чистой воды совпадением (так, город Магадан существовал в библейские времена на берегу Галилейского озера, а сегодня город с точно таким же названием существует на берегу Охотского моря).

Итак, перечислим основные проблемы, связанные с интерпретацией этой надписи.

1. Действительно ли на стеле упомянут Израиль? По-видимому, да – по крайней мере, степень совпадения наименований достаточна для того периода, а другого внятного объяснения для этого слова нет. Предлагалось, к примеру, отождествление *usr3r* с долиной Изреель, но это еще менее вероятно, особенно учитывая детерминатив при имени (см. следующий пункт).

2. Что или кто конкретно подразумевается под Израилем? И. П. Липовский, например, утверждает: «Израиль, упоминаемый стелой Мернептаха, представлял собой союз только четырех северных древнееврейских племен» [8, с. 124], но это совершенно голословное утверждение, из самой надписи такой вывод сделать невозможно. Как известно, этнонимы не всегда имеют одно и то же значение в разных языках, а одни и те же народы не всегда называются одними и теми же словами. Не до конца даже ясно, этноним ли это. В надписи упомянуты также и другие объекты египетского завоевания – города Ашкелон и Гезер, а также другие, менее известные названия (Йаноам и Хурру). Но это именно территории, судя по детерминативам. К Израилю (будем называть его так) добавлен другой детерминатив: сидящие мужчина и женщина, что означает не территорию, а народ. Из этого, разумеется, логично сделать вывод, что в данный момент Израиль еще не жил оседлой жизнью и состоял из кочевников, но это трудно подтвердить или опровергнуть.

3. Что означает выражение «его семени больше нет»? Естественно понять его метафорически: у Израиля не осталось потомства. Но можно понять его и буквально: Израиль лишился зерна. И в этом случае речь

идет о народе, уже живущем оседло на своей земле. По сути, такая интерпретация нужна лишь для того, чтобы отодвинуть вглубь предполагаемую дату расселения израильтян в Ханаане.

4. Какое положение занимал Израиль в Ханаане? И. Тантлевский полагает [5, с. 151], что он рассматривается как «владыка Ханаана», только на том основании, что упомянутая далее в тексте земля Хурру названа вдовой. Соответственно, Израиль и Хурру понимаются как муж и жена, овдовевшая после истребления Израиля (многого, разумеется), а значит, Израиль был господином этой земли (И. Тантлевский считает топоним Хурру в данном контексте равнозначным всему Ханаану). Такое прочтение вовсе не исключено, но нельзя не заметить, что оно ставит своей целью не что иное, как подтверждение буквальной справедливости библейского повествования, а потому крайне пристрастно. Академическая «История Древнего Востока», напротив, интерпретирует этот текст таким образом, что Израиль «в глазах фараоновских властей не занимал тогда всей Палестины» [9, с. 280]. Как видим, единой и всем очевидной трактовки просто не существует.

5. В какой мере можно вообще доверять этой стеле, которая явно служит образцом египетской пропаганды? Трудно проверить, насколько соответствует действительности этот набор голословных утверждений о полном покорении египтянами Ханаана, тем более что упомянут он в самом конце надписи, посвященной в основном победе над ливийцами в совсем другой стороне от Египта, нежели Ханаан. Весьма вероятно, что создатели стелы перечислили в довершение списка военных побед над ливийцами названия прочих местностей и народов, с которыми при Мернептахе также пришлось воевать или с которыми в принципе периодически воевали в те времена египтяне.

Иными словами, выводы будут очень скромны: в конце XIII в. до н.э. египтянам, судя по всему, действительно был известен народ под названием «израиль», но для них он не представлял особого интереса. Где именно он проживал в это время, был оседлым или кочевал, из надписи точно установить невозможно, но, вероятнее всего, египтяне локализовали этот народ примерно в районе Ханаана. При желании можно назвать это свидетельством того, что к этому моменту израильское присутствие в Ханаане было уже ощутимым, но делать сколько-нибудь далеко идущие выводы на основании одной этой стелы рано. И, разумеется, идея крайних консерваторов о том, что именно Мернептах был фараоном Исхода, не подтверждается совершенно.

Принципы научной реконструкции

Итак, какими могут быть здравые принципы научной реконструкции или научного анализа истории Древнего Израиля – принципы, которые могут быть приняты людьми с разными религиозными и политиче-

скими воззрениями? Попробуем их сформулировать, понимая всю относительность любых формулировок «в общем виде».

1. **Степень вероятности** той или иной модели или реконструкции не менее важна, чем ее содержание. В ситуации, когда у нас нет возможности надежно верифицировать подавляющее большинство гипотез, история Древнего мира может превратиться в набор произвольных реконструкций по модели «а я так вижу», что, конечно, недопустимо в науке даже в наши постмодернистские времена. Предлагая ту или иную модель, добросовестный ученый должен предложить вниманию читателей альтернативы не только в полемическом ключе (почему прав именно он, а не остальные), а также приблизительно оценить вероятность своего предположения. Так, в случае со стелой Мернептаха можно утверждать, что на ней почти наверняка упомянут народ Израиля, но все остальные предположения: был он оседлый или кочевой, только четыре северных племени или большее их количество, полное господство Израиля в Ханаане или более скромная роль – не имеют под собой сколько-нибудь надежных оснований. Важно осознавать пределы нашей компетенции, иными словами, хорошо понимать, чего именно мы пока не понимаем.

2. **Примат**, но не диктат археологии. Основными источниками по истории Древнего Израиля были и остаются археологические находки и письменные источники, как библейские, так и относящиеся к другим культурам. Находки, которые надежно интерпретированы, не могут быть выведены из поля зрения, поскольку они, в отличие от текстов, объективны. В то же время нельзя требовать, чтобы любое предположение было надежно подтверждено археологически. Важно лишь, чтобы оно этим находкам явно не противоречило.

3. Данные должны рассматриваться **комплексно**, а не изолированно. Как отдельные археологические находки, так и отдельные тексты могут интерпретироваться лишь в максимально возможно широком контексте, включающем другие тексты и находки, которые могут оказаться полезными, и наши представления об обществах соответствующего времени и типа. Например, история странствий Давида вполне напоминает общество «амарнского типа», описанное в документах из Тель-Эль-Амарнского архива – с небольшим оседлым населением и маргинализованными бродягами (к их числу относился и Давид до того, как стал царем), которые играют в жизни оседлого населения заметную роль.

4. **Анализ**, но не цензура текста. Библейские, а равно и любые другие древнеближневосточные тексты отражают в каждом случае не объективную реальность, а крайне субъективную точку зрения. Это означает, что они нуждаются в анализе и интерпретации, но совершенно не означает, что изложенные в них факты заведомо не соответствуют действительности.

5. **Дистанция** между текстом и фактом существует, но она отчасти преодолима. Тексты, как и археологические слои, бывают устроены достаточно сложно. Для понимания значения текста важно постараться определить, к какому именно времени, месту, социальному слою или государственному институту он восходит или обращается и какие отстаивает идеи, но это не значит, будто он пренебрегает фактами ради этих идей. Текст может рассматривать свершившиеся события с разных точек зрения, и важно постараться отделить идеологию от того нарратива, который с ней связан. Например, город Хацор, как показывают археологические раскопки, был крупнейшим городом Ханаана (как и сказано в Книге Иисуса Навина 11:10) и около 1200 г. был разрушен [10, с. 332]. Можно объявить (что и делается), что раскопки подтвердили повествование, изложенное в 11-й главе Книги Иисуса Навина, где рассказывается о разрушении Хацора. Но другие исследователи связывают это разрушение скорее с нашествием «народов моря» и с общим упадком Восточного Средиземноморья той поры [11]. Можно также предположить, что вполне историчный рассказ о разгроме Хацора был впоследствии включен в повествование о завоевании Ханаана израильянами – в текст книги, которая окончательно сложилась спустя века после этих событий.

6. Наиболее убедительны **наименее распространенные** мотивы и сюжеты. Привязывать к исходу из Вавилонского плена любые тексты, повествующие об освобождении и победе над врагами, разумеется, можно сколько угодно. Но дело в том, что мотив победы и освобождения – вообще один из самых частых мотивов в истории человечества. Куда надежнее звучит предположение, что Книга Руфь, рассказывающая о моавитянке, ставшей прабабкой царя Давида, хотя моавитяне не могли войти в израильский народ, была написана как своеобразный ответ на послевоенные реформы Ездры и Неемии, изгнавших из среды израильян иноземных женщин. Такие события происходят куда менее часто, и Книга Руфь вполне может датироваться этим периодом.

7. Наиболее убедительны **наименее комфортные** для своих создателей тексты. Если мы читаем о великих победах великого царя, это может быть общим местом, но если текст рассказывает о его слабостях и ошибках и пытается их оправдать или объяснить, то наиболее вероятно, что речь идет о сохранившемся в народной памяти эпизоде, который действительно имел место. То же самое относится к эпизодам, которые никак не объясняются, но выглядят явным диссонансом с общей тканью повествования. Можно заново вспомнить пример, приведенный выше: в 1 Царств 9:12–13 рассказывается, как Самуил приносил жертву «на высоте», что явно противоречит принципу единого святилища – видимо, это отражает реальную практику. И историчность повествований о Давиде подтверждается, прежде всего, тем, что Давид зачастую предстает в них в невыгодном свете.

8. История не деяний, но **людей**. В XX в., особенно под влиянием школы «Анналов», историки стали отходить от понимания истории как описания великих деяний немногих героев (именно так написано подавляющее большинство древних книг, не исключая библейские) к описанию жизни общества и отдельных людей. Что касается деяний, мы зачастую не можем сказать, происходили ли они на самом деле и как именно происходили. Но что касается истории обществ и людей, мы можем достаточно ясно представить себе и течение их повседневной жизни, и развитие важных для них идей.

9. Критерий **личной вовлеченности** автора. Читая рассказы Книги Царств о разных царях Израиля и Иуды, нетрудно заметить, что одни из них упомянуты буквально вскользь, о других рассказано более подробно. Но и среди тех, о которых рассказано много, можно выделить таких царей, о которых говорится с мельчайшими деталями и в лицах (например, Иосия), и таких, о которых сообщаются лишь самые общие вещи (например, Соломон). Можно предполагать, что в первом случае текст так или иначе сохраняет достаточно точный рассказ очевидцев, а во втором – довольствуется общими рассуждениями о том, как это в принципе могло быть. Если привлечь данные жанрового анализа (как организован каждый из этих текстов, к какому жанру относится, каковы принятые в этом жанре условности и т.д.), можно достаточно неплохо представить себе историю возникновения этого текста, а значит, – его связь с исторической реальностью.

10. **Привязка** к наиболее надежно определяемым историческим событиям. Обычно история любого народа или государства начинает писаться «с начала», но проблема в данном случае именно в том, что начало как таковое нам совершенно неизвестно. Вместо этого можно постараться найти такое событие или такой процесс, которые одновременно подтверждены археологически и описаны достаточно подробно и хорошо. Для всей допленной истории Израиля – это рост Иудейского царства в конце VIII в. и его отношения с Ассирией.

Отдельно стоит поговорить о согласовании археологических данных с письменными источниками. Археологи всегда с осторожностью связывают свои находки с теми или иными этносами, если речь идет о древней, бесписьменной эпохе. Обычно с предками израильтян связывается культура пифосов определенного типа, с воротничковым венчиком (collared-rim jars), и домов с четырьмя комнатами, которая распространилась в Палестинском нагорье в железном веке I, т.е. в конце II тыс. до н.э. (о проблемах хронологии будет сказано ниже). Но, как отмечает И. Финкельштейн [4, с. 77], проблема заключается в том, что подобная же культура распространяется в это время в Заиорданье (на территории будущих Моава и Аммона), а кроме того, ее несомненные отличия от городской культуры поздней бронзы могут объясняться раз-

личиями в типах хозяйственной деятельности, а не этнической принадлежностью. Носители этой культуры были садоводами, использовавшими террасное земледелие.

Особо отмечается, что они не разводили свиней, что прекрасно совпадает с жестким запретом израильской религии на употребление свинины. Но и тут, как нетрудно понять, могут быть иные объяснения: так, кочевникам разводить свиней просто неудобно, в отличие от коз, овец и коров, и они могли сохранить такое отношение к свиньям даже после перехода к полуоседлому или оседлому существованию (а логично предположить, что именно это и произошло с новыми жителями нагорья). Что же касается расцвета или упадка культур в той или иной местности, они не обязательно отражают смену населения – причины могут крыться в изменении климата или развитии технологий.

Исходя из археологических данных, будет вполне логично предположить, что в эпоху железного века I в Палестинском нагорье постепенно стали оседать кочевники, сочетающие скотоводство с земледелием. Но нельзя с полной уверенностью утверждать, что это происходило исключительно с израильянами (или протоизраильянами), вполне вероятно, что это часть общих процессов того времени. Как отмечает Мазар [4, с. 91–92], мы не знаем, что ответили бы эти люди на вопрос «израильяне ли вы», но есть достаточные основания считать, что именно они были предками тех, кого мы называем израильянами.

Впрочем, как отмечает Грабб [6, с. 19–22], в современной исторической науке активно обсуждается вопрос об определении этнической идентичности, и большинство историков согласны, что для нее ключевыми являются несколько факторов: общее самоназвание, представление о едином происхождении, общая историческая память, ключевые элементы культуры, представление о собственной территории (иногда умозрительной) и солидарность в поведении. Таким образом, история Древнего Израиля и есть те самые ключевые элементы культуры еврейского народа и в особенности – его общая историческая память, его представления о своем происхождении. Исследуя эту историю, мы неизбежно «опрокидываем» в прошлое современную этническую идентичность, даже если мы в чем-то опровергаем историчность традиционных текстов.

Поселение израильян в Ханаане: миф и история

Итак, если израильяне не упоминаются, насколько мы можем судить, ни в одном небиблейском тексте вплоть до самого конца XIII в. до н.э. (стела Мернептаха), для историка вполне естественно задуматься о том, с какими народами древности, известными нам по другим источникам, может быть связано их происхождение.

В качестве близкой параллели издавна предлагались амореи, семитские пастушеские племена, изначально жившие в Северной Месопотамии,

но оставившие следы по всему Ближнему Востоку. По сути, с библейскими израильтянами их объединяет история о вторжении кочевников на территории государств оседлых земледельцев. Племенной союз гиксосов, захвативших в середине II тыс. до н.э. часть Египта, можно считать частью этого процесса. Но при всей привлекательности идеи связать гиксосов с рассказом Книги Бытия об Иосифе как втором человеке в Египте для такого отождествления нет никаких подтверждений, в том числе и в самом библейском тексте.

Намного перспективнее в этом отношении выглядят племена шасу, или сутиев (египетск. *Š3šw*, аккадск. *Sutu*, по-видимому, это название одной и той же группы людей, хотя это тождество оспаривается). Основное место их расселения – будущая территория Эдома и Моава к юго-востоку от Мертвого моря, но в египетских источниках этот термин встречается и в других географических контекстах [6, с. 53–55]. Судя по всему, это действительно этноним, хотя иногда предлагается понимать его как обозначение опасных кочевников, которые не брезгуют и разбоем. Вполне возможно, что предки израильтян входили в число тех племен, которых египтяне причисляли к шасу, но более конкретных сведений у нас нет.

Но кто действительно понимается как бродяги и разбойники, так это *ханапу* (*анапу*, *хабиру*). Это имя «гремело» по всему Ближнему Востоку: египетское *'prw*, угаритское *'pr*, аккадское *'apiru/ḥaberu* явно обозначают одну и ту же и всем прекрасно известную группу людей, причем она вряд ли была этнически однородной – среди имен встречаются как западно-, так и восточносемитские, а также некоторые другие. Согласно И. Тантлевскому, это слово происходит от аккадского *ḥabāru* «насильственно, вынужденно покидать дом, быть изгнанником» [12, с. 20]. Если подыскивать им аналогию из более поздних времен, это будут ранние казаки – вольные люди, которые могут жить удалыми набегами или наниматься в качестве военных отрядов на службу к тому или иному государству. К ним могли примыкать те, кто по разным причинам выпал из социума.

Вполне естественно желание связать этот термин с древними евреями (*'ibrī*), поскольку очень похожи и слово, и само представление о военных отрядах, которые с силой вторгаются на территорию оседлых племен. Более того, в Бытии 14:13 этим словом неожиданно назван Авраам – соответственно не как представитель еврейского народа, но скорее как странник, который переходит (глагол *'br*) с одного места на другое. Чем такой переселенец не изгнанник-*ханапу*?

Но такое отождествление встречает самый решительный отпор. Например, Э. Рейни утверждает, что израильтяне, в отличие от *ханапу*, были пастухами и обладали племенной структурой общества, что не засвидетельствовано в текстах, говорящих о *ханапу* [13]. Не согласен

с этим отождествлением и И. Тантлевский [12, с. 20–21]. Однако можно задуматься, в какой степени здесь действуют не научные, а эмоциональные аргументы: ведь если древние евреи и были некоторой разновидностью *ханаиру* (изгоев и головорезов, как описывают их древние источники), это порождает много нежелательных коннотаций.

К тому же, если сравнивать *ханаиру* и казаков, это дает одну интересную параллель. Слово *казак* в тюркских языках означает «свободный», со временем оно стало названием особого служилого сословия в Российской империи и особого этноса (*қазақ* – «казах» на казахском языке). Естественно, это совершенно разные социальные группы, происхождение каждой тесно связано с теми ватагами вольных людей, которые бродили по евразийским степям. Но было бы наивно называть эти ватаги предками запорожского или донского казачества либо казахской нации.

Чтобы не удаляться слишком далеко от нашего материала, приведем другой пример. В рассказах о царе Давиде периодически упоминаются две группы личной охраны: керетяне и пелетяне (евр. *kārēti pālēti*, в Синодальном переводе – хелефеи и фелефеи). Кем они были? Исходя из контекста, можно предположить, что это были иноземные наемники. Но кто именно? Некие «народы моря»? Как отмечает И. Финкельштейн [14], подобные названия среди них не встречаются. Он сближает вторую группу, *pālēti*, с греческим *πελτάσται*, названием легкой пехоты, а название первой, *kārēti*, давно уже ассоциируется с островом Крит. Но что мы по-настоящему знаем о них? Можем ли утверждать, что это были действительно греческие наемники, более конкретно, критская легкая пехота? По-видимому, все же нет.

Если подводить итоги, то мы видим, что на Ближнем Востоке в середине и конце II тыс. до н.э. происходили разные процессы, связанные с переселением различных этнических групп и с вторжениями кочевников на территорию оседлых племен, и что израильтяне могли быть частью этого процесса, но точно определить их место на карте этих миграций и этнонимы, которыми называли их окрестные народы, едва ли представляется возможным.

Это подводит нас к вопросу о том, как и почему израильтяне появились в Ханаане, и это один из ключевых вопросов реконструкции истории Древнего Израиля – собственно, самый важный и самый спорный из них.

Главным для всей истории Израиля, как описана она в Библии, является, безусловно, событие Исхода, и о нем мы поговорим намного подробнее. Строго говоря, это событие никак не верифицируемо: если примерно три с половиной тысячелетия назад большая группа людей переселилась из Египта в Ханаан, пройдя через Синай, она не оставила никаких следов, которые могли сохраниться до наших дней. Они не основывали и не разрушали городов, даже не копали колодцев, если

верить библейскому повествованию, а что касается трагических для египтян последствий Исхода, как он описан в одноименной книге, то египетские источники избегают описывать поражения своей страны.

Есть, впрочем, некоторые косвенные данные, которые могут быть отнесены к этому рассказу. В восточной части дельты Нила, как мы знаем из разных египетских источников, действительно проживали семитские племена, из числа которых даже вышла XV гиксосская династия фараонов. И примерно там в XIII в. до н.э. Рамзес II построил из глиняных кирпичей город Пи-Рамзес – история о бедствиях израильтян в Египте прекрасно вписывается в этот контекст.

Тель-Эль-Амарнский архив, в котором находится дипломатическая переписка Египта с Ханааном и Амурру, не содержит никаких упоминаний об Израиле (зато в нем упоминаются *хипиру*, о которых речь шла выше). Поскольку эта переписка относится к середине XIV в. до н.э., можно с уверенностью утверждать, что до тех пор израильтяне еще не появились на исторической арене как сколько-нибудь заметная и консолидированная сила.

Последовавшее за Исходом завоевание Ханаана, в отличие от Исхода, должно было оставить богатые археологические следы – почти одновременное, по археологическим меркам, разрушение упомянутых в книге Иисуса Навина городов. В первой половине XX в. на территории Британской Палестины были проведены раскопки, подтвердившие, что некоторые города (прежде всего Мегиддо и Хацор) были разрушены в эпоху поздней бронзы II, которая была датирована XIII в. до н.э. У. Олбрайт и его последователи, прежде всего И. Ядин, интерпретировали эти находки как подтверждение библейского рассказа.

Надо отметить, что именно эта версия так или иначе закрепились практически во всех русскоязычных изданиях. «История Древнего Востока» целый раздел называет «Переселение заречных племен («ибрим»)» [9, с. 269–290]. На полях можно отметить, что этот труд сознательно избегает употребления слов «Израиль» и «евреи», очевидно, поскольку он готовился в те времена, когда отношения между СССР и Государством Израиль были достаточно напряженными. Мы видим, как в самые разные времена самые разные идеологии «подстраивают» язык описания древней истории под свои текущие нужды и условия.

В конце раздела звучит признание: «История Палестины между 1200 и 1000 гг. до н.э. известна нам плохо». Но ведь следует признать, что и история до 1200 г. известна ничуть не лучше. С точки зрения авторов, история завоевания Ханаана надежно «подтверждена археологически – следами разрушения городов и сменой хананейской материальной культуры на более убогую» [9, с. 290]. Оставим вопрос о правомерности употребления таких оценочных слов, как «убогая», в академическом труде, но ведь у разрушения городов и смены материальной культуры (кстати,

это утверждение тоже нуждается в уточнении и обосновании) могут быть и другие объяснения, кроме завоевания.

В более позднее время И. Тантлевский [12, с. 140–150; 15, с. 109–117] описывает и альтернативные теории, которые будут рассмотрены дальше. Ведь вопросов здесь возникает действительно много [4, с. 53]. Упомянутые в библейском повествовании города Ай, Гибеон, Хешбон (в Синодальном переводе – Гай, Гаваон, Есевон) и Арад в ту эпоху были в лучшем случае малозначительными поселениями. Что же касается Мегиддо и Хацора, то данные археологии скорее указывали на их постепенный упадок, чем на внезапное и почти одновременное разрушение, хотя с этим не все согласны. Более того, можно считать его частью общего упадка городов-государств Восточного Средиземноморья в эпоху поздней бронзы. В то же время, судя по тем же археологическим данным, в этом регионе тогда же происходил процесс постепенного перехода кочевников к оседлой жизни.

Наконец, в эту эпоху Ханаан, как показывают египетские источники, входил в сферу влияния Египта, что совершенно не отражено в Книге Иисуса Навина, и к тому же едва ли Египет остался бы пассивным наблюдателем при завоевании подконтрольного ему региона. Вполне логично будет предположить (как и поступают многие исследователи), что текст Книги Иисуса Навина был составлен в более позднее время, когда о египетском присутствии в Ханаане не осталось и памяти.

Казалось бы, такой процесс, как завоевание целой страны, приведшее к почти полной смене ее населения, должен быть надежно засвидетельствован археологическими находками. И. Финкельштейн отмечает [4, с. 74–75], что в железном веке I (XII–X вв. до н.э.) возникло более двух сотен поселений между Беер-Шевой и долиной Изреель. Именно эти поселения связываются с (прото)израильянами, и отсюда, соответственно, возникает вопрос: кто именно были эти люди и почему они поселились в этом месте в это время?

Вместе с тем список непокоренных территорий, приведенный в Книгах Иисуса Навина (13:2–6) и Судей (1:27–35), в общем и целом подтверждается археологией, и раскопки показали, что на указанных территориях не произошли сколько-нибудь заметные изменения. Но если надежно подтверждается только информация о городах, не подвергшихся завоеванию, то это еще ничего не говорит о реальности самого завоевания.

Это не означает, разумеется, что сами истории вымышлены. А. Мазар в 1990-е гг. (накануне появления минимализма) писал следующее: «...Можно заключить, что если израильяне и вторглись в некоторые города, их разрушение не стало результатом единственной и стремительной военной кампании, скорее это разрушение стало результатом затяжных региональных войн, в ходе которых одно или несколько пле-

мен разрушили некоторые хананейские города. Последовательность таких столкновений между израильтянами и хананеями породила записанное в Книге Иисуса Навина предание о едином завоевании. Таким образом, предание о завоевании Ханаана следует понимать как сжатое повествование о сложном историческом процессе, в ходе которого некоторые хананейские города-государства, ослабленные тремя веками египетского господства, уступили в железном веке I место новой национальной единице – Израилю» [10, с. 334].

Вопрос о том, когда и как была составлена письменная версия этого предания, очевидно, является более общим вопросом о возникновении исторических книг Ветхого Завета. Например, И. Финкельштейн отмечает [4, с. 73–74], что события, описанные в Книге Судей, происходят, за некоторыми исключениями, на территории северных племен и что по своей идеологии эта книга служит своего рода прологом к рассказу об установлении монархии. Не случаен этот рефрен, которым и заканчивается книга: «В те дни не было царя у Израиля; каждый делал то, что ему казалось справедливым» (21:25). Логично предположить, что книга сложилась в эпоху, когда возникало Северное царство.

Но для целей исторической реконструкции нам важно попробовать ответить на другой вопрос: как соотносятся эти повествования с исторической реальностью?

Три основные модели появления израильтян в Ханаане

Небольшой пример – история племени гаваонитян, рассказанная в 9-й главе Книги Иисуса Навина. Это племя, испугавшись вторжения израильтян, заключило с ними союз, притворившись, что живет далеко от Земли обетованной. Казалось бы, на фоне всех остальных эпизодов истории завоевания Ханаана это малозначительная деталь, но в повествовании она занимает значительное и очень важное место. До нее описаны завоевания Иерихона и Гая, показательные истории о божественном «сценарии», который нельзя нарушать и который обеспечивает успех израильтян. После нее идет уже подробная история того, как это завоевание, собственно, и произошло. То есть это не заметка на полях, это важный элемент, без которого нельзя перейти к основному повествованию.

С одной стороны, эта история заранее объясняет, почему не все автохтонные племена Ханаана были уничтожены, вопреки прямому указанию Бога. Но, возможно, с другой стороны, эта история отражает тот факт, что в состав израильского племенного союза вошли, пусть и на особом положении, местные племена? Да, библейское повествование описывает гаваонитян как рабов, которые навсегда обречены «рубить дрова и черпать воду для дома Бога моего» (9:23). Однако получается, что они работают при святилище, по сути, становятся помощниками левитов – следовательно, маргиналами их не назовешь. Не может ли эта

история быть основана на некоторых реальных фактах куда более широкого масштаба, чем можно подумать по буквальному смыслу библейского повествования?

Другими словами, было ли завоевание таким всеохватным, как описывает Книга Иисуса Навина? А если сформулировать этот вопрос еще радикальнее, было ли это завоевание вообще сколько-нибудь масштабным, или израильтянам можно приписать автохтонное происхождение, сочтя рассказ о завоевании традиционным героическим эпосом?

Еще один примечательный пример – рассказ об иерихонской блуднице Раав, которая спрятала у себя израильских соглядатаев и после падения города была принята в израильский народ как чистокровная израильтянка, чего, конечно, не удостоились гаваонитяне. Эта история изложена в 6-й главе Книги Иисуса Навина, в самом начале повествования о завоевании Ханаана – она, конечно, может рассматриваться как примечательное исключение из правила, согласно которому местное население подлежало уничтожению. Но можно понять ее и как пример иного развития событий, один из целого ряда, и тогда получится, что вторжение израильтян получило поддержку со стороны некоторой части местного населения (явно не самых привилегированных его слоев), и затем эти люди влились в израильский народ.

Если отвлечься от таких крайностей, как буквальное следование библейскому тексту и его тотальное отрицание, можно сказать, что в исторической науке с середины XX в. присутствуют три основные теории происхождения израильтян в Ханаане.

1. В первой половине XX в. на сцене царила почти безраздельно школа У. Олбрайта, которая, по сути, брала за основу библейские нарративы, несколько корректируя их по новым археологическим данным. Однако по мере того как накапливался материал, придерживаться этой модели становилось все труднее.

2. Тем временем А. Альт [16] предложил модель постепенного перехода заиорданских кочевников к оседлому образу жизни, по сути исключавшую активное завоевание. Эту мысль развил впоследствии М. Нот [17], предложивший идею амфиктионии: хананейские племена объединились вокруг общего святилища и постепенно создали свою религию.

3. Дж. Менденхолл [18] и следом за ним, куда более подробно, Н. Готтвалд [19] предложили модель социальной революции: угнетенные низы восстали против своих господ, оставили города и переселились с равнин в горные области, чтобы жить в атмосфере равенства и братства. Поскольку в те времена любая идеология выражала себя в религиозных терминах, они создали религию Яхве.

Для начала стоит отметить, что все три теории говорят намного больше о своих создателях и сторонниках, чем о самом Древнем Израиле. Первая модель, по сути, призвана оправдать библейское повествование,

показать, что при всех частных и мелких корректировках оно остается верным и неизменным даже и в наше время. По-видимому, для консервативных христиан и иудеев именно эта модель будет являться основной еще очень долгое время, и любые отходы от нее будут сугубо вынужденными, по мере накопления и освоения материала, который плохо с ней совместим. Впрочем, как можно заключить по изложенным выше примерам, и вопрос совместимости может быть снят путем «критики критики»: реконструкция мелких исторических деталей будет объявлена недостоверной и спорной, но не в силу тех внутренних противоречий, а скорее по той причине, что она противоречит главным библейским нарративам.

Вторая модель, изложенная в завершенном виде в работах М. Нота, приводит историю Древнего Израиля в соответствие с образцами классической греко-римской античности, которая долгое время понималась как наиболее «правильный», магистральный путь развития человечества, что в особенности было характерно для германской научной школы, где эта теория и появилась. Если есть общее святилище (скиния, храм) и есть племена, которые его почитают, – это явление нужно рассматривать в терминах амфикистии, греческого священного союза.

Наконец, третья модель была впервые предложена в бунтарские 60-е и тщательно проработана в 70-е гг. XX в. в американской академической среде на фоне борьбы за права чернокожих, против войны во Вьетнаме и на почве увлечения марксизмом. По сути дела, это опрокидывание в древность тех представлений о классовой борьбе, которые были характерны для левого фланга американского академического сообщества того времени. Можно только удивляться, что советская наука практически прошла мимо столь удобной модели – возможно, в первую очередь потому, что «новые левые» в США выглядели для советского политического режима не столько потенциальными союзниками, сколько «потрясателями» устоев.

Появление минимализма в самом конце XX в. (стоит напомнить, что здесь мы не рассматриваем это течение как убедительную новую модель), как и расцвет скепсиса, стали своего рода реакцией на эту ситуацию, когда каждая новая версия «истории Древнего Израиля» служит скорее зеркалом для создателей этой версии. Но есть ли надежда на относительную объективность?

И. Финкельштейн оценивает эту ситуацию так: «Повествования о патриархах, Исходе и завоевании Ханаана, которые описывают главные события израильской истории, не могут быть прочитаны как непосредственные описания событий. Вполне вероятно, что многие из этих повествований сохраняют древние воспоминания, народные предания, мифы и этиологические сказания... Следовательно, их не стоит читать в хронологическом порядке, от более ранних к более поздним, скорее, их надо

понимать в порядке от поздних к ранним – выстраивать перспективу от того периода, когда сформировалась их письменная форма» [4, с. 55].

С ним в целом соглашается А. Мазар, с которым И. Финкельштейн расходится во многих частных оценках: «Археология отвергает историчность библейского повествования об израильском завоевании Ханаана, но она может пролить некоторый свет на то, как воспоминания о подлинных ситуациях и событиях, относящихся ко второму тысячелетию до н.э., ранние этиологические сказания и вымышленные истории соединяются в том более позднем “плавильном котле”, который мы сегодня называем Пятикнижием и Книгой Иисуса Навина» [4, с. 65].

Иными словами, современная историческая наука сходится на том, что основные эпизоды ранней (домонархической) истории Древнего Израиля не поддаются однозначной верификации, но это не означает, что мы не можем делать никаких выводов об этом периоде. Скорее, речь идет о том, что могут быть предложены конкурирующие гипотезы, объясняющие появление израильтян в Ханаане, причем эти теории не обязательно считать взаимоисключающими: вполне вероятно, что одновременно протекали разные процессы, а именно – консолидация местных племен и инфильтрация кочевников.

Гораздо больше выводов можно сделать о возникновении монархии в Израиле, прежде всего, о становлении династии Давида, чему будет посвящена следующая статья.

Литература

1. Десницкий А. С. История Древнего Израиля как современная проблема. *Orientalistica*. 2019;2(1):134–149. DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-1-134-149.
2. Захаров А. О. *История Древнего Востока*. М.: Институт стран Востока; 2016.
3. Ramsey G. W. *The Quest for the Historical Israel. Reconstructing Israel's Early History*. London: SCM; 1981.
4. Finkelstein I., Mazar A., Schmidt B. B. (ed.). *The Quest for the Historical Israel. Debating Archaeology and the History of Early Israel*. Atlanta: SBL; 2007.
5. Тантлевский И. Р. *Царь Давид и его эпоха в Библии и истории*. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия; 2016.
6. Grabbe L. L. *Ancient Israel. What Do We Know and How Do We Know It?* London, New York: Bloomsbury T&T Clark; 2007.
7. Светлов Э. *Магизм и единобожие. Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей*. Брюссель: Жизнь с Богом; 1971.
8. Липовский И. П. *Библейский Израиль: история двух народов*. СПб.: Гуманитарная академия; 2010.
9. Бонгард-Левин Г. М. (ред.). *История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации*. Ч. 2. Передняя Азия. Египет. М.: Наука; 1988.
10. Mazar A. *Archaeology of the Land of the Bible. 10,000 – 586 B.C.E.* New York, London, Toronto, Sydney, Auckland: Doubleday; 1990.

11. Finkelstein I, Silberman N. A. *The Bible Unearthed: Archaeology's New Vision of Ancient Israel and the Origin of Its Sacred Texts*. New York: Free Press; 2001.
12. Тантлевский И. Р. *История Древнего Израиля и Иудеи от эпохи патриархов до Вавилонского изгнания*. М.: Ломоносов; 2016.
13. Rainey A. Who Were the Early Israelites? *Biblic. Archaeol. Rev.* 2008;34(6):51–55.
14. Finkelstein I. The Philistines in the Bible: A Late Monarchic Perspective. *Journal for the Study of the Old Testament*. 2002;27(2):131–167.
15. Тантлевский И. Р. *История Израиля и Иудеи до 70 г. н.э.* СПб.: Русская христианская гуманитарная академия; 2014.
16. Alt G. A. *Der Gott der Väter: Ein Beitrag zur Vorgeschichte der israelitischen Religion*. Stuttgart: Kohlhammer; 1929.
17. Нот М. *История древнего Израиля*. СПб.: Дмитрий Буланин; 2014.
18. Mendenhall G. E. The Hebrew Conquest of Palestine. *Biblic. Archaeol.* 1962;25:66–87.
19. Gottwald N. K. *The Tribes of Yahweh: A Sociology of the Religion of Liberated Israel, 1250–1050 B.C.E.* Maryknoll: Orbis; 1979.

References

1. Desnitsky A. S. The history of Ancient Israel as a modern problem. *Orientalistica*. 2019;2(1):134–149. (In Russ.) DOI: [10.31696/2618-7043-2019-2-1-134-149](https://doi.org/10.31696/2618-7043-2019-2-1-134-149).
2. Zakharov A. O. *History of the Ancient East*. Moscow: Institute of the Countries of the East; 2016. (In Russ.)
3. Ramsey G. W. *The Quest for the Historical Israel. Reconstructing Israel's Early History*. London: SCM; 1981.
4. Finkelstein I, Mazar A., Schmidt B. B. (ed.). *The Quest for the Historical Israel. Debating Archaeology and the History of Early Israel*. Atlanta: SBL; 2007.
5. Tantlevskiy I. R. *The King David and his time in the Bible and in the history*. St Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy. 2016. (In Russ.)
6. Grabbe L. L. *Ancient Israel. What Do We Know and How Do We Know It?* London, New York: Bloomsbury T&T Clark; 2007.
7. Svetlov E. *Magic and monotheism. The mankind's religious path before the Great Teachers*. Brussels: Zhizn s Bogom; 1971. (In Russ.)
8. Lipovskiy I. P. *The Biblical Israel. A history of two peoples*. St Petersburg: Gumanitarnaya akademiya; 2010. (In Russ.)
9. Bongard-Levin G. M. (ed.). *History of the Ancient East. The genesis of the Ancient class societies and the first centres of the slaveholding civilization*. Part 2. The Middle East. Moscow: Nauka; 1988. (In Russ.)
10. Mazar A. *Archaeology of the Land of the Bible. 10,000 – 586 B.C.E.* New York, London, Toronto, Sydney, Auckland: Doubleday; 1990.
11. Finkelstein I, Silberman N. A. *The Bible Unearthed: Archaeology's New Vision of Ancient Israel and the Origin of Its Sacred Texts*. New York: Free Press; 2001.
12. Tantlevskiy I. R. *History of the Ancient Israel and Judaea from the Time of the Patriarchs to the Babylon Exile*. Moscow: Lomonosov; 2016. (In Russ.)
13. Rainey A. Who Were the Early Israelites? *Biblic. Archaeol. Rev.* 2008;34(6):51–55.

14. Finkelstein I. The Philistines in the Bible: A Late Monarchic Perspective. *Journal for the Study of the Old Testament*. 2002;27(2):131–167.

15. Tantlevskiy I. R. *History of Israel and and Judaea before the 70 AD*. St Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy 2014. (In Russ.)

16. Alt G. A. *Der Gott der Väter: Ein Beitrag zur Vorgeschichte der israelitischen Religion*. Stuttgart: Kohlhammer; 1929.

17. Noth M. *History of the Ancient Israel*. St Petersburg: Dmitriy Bulanin; 2014. (In Russ.)

18. Mendenhall G. E. The Hebrew Conquest of Palestine. *Biblic. Archaeol*. 1962;25:66–87.

19. Gottwald N. K. *The Tribes of Yahweh: A Sociology of the Religion of Liberated Israel, 1250–1050 B.C.E*. Maryknoll: Orbis; 1979.

Информация об авторе

Десницкий Андрей Сергеевич, доктор филологических наук, профессор РАН, Институт востоковедения РАН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Andrey S. Desnitsky, Ph. D habil. (Philol.), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12 января 2019 г.
Одобрена рецензентами: 6 февраля 2019 г.
Принята к публикации: 19 февраля 2019 г.

Article info

Received: January 12, 2109
Reviewed: February 6, 2019
Accepted: February 19, 2019